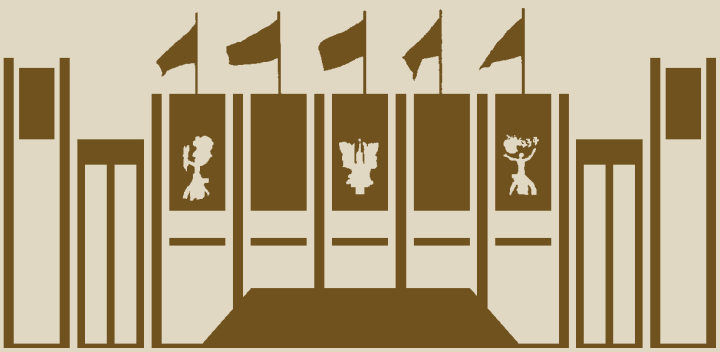
Научно-координационный совет
по международным исследованиям
МГИМО (У) МИД России

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

выпуск 5(34)
май 2008

Игорь Кузнецов
Виктор Сергеев

Проблематика конфликтов «нового поколения»: оценки и прогнозы

Центр
глобальных
проблем

ББК 66.4(0)
К80

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России

Выпуск 5(34)
Май 2008

Тема
«Проблематика конфликтов “нового поколения”: оценки и прогнозы»

Главный редактор Александр Орлов

Редактор выпуска Виктор Сергеев

Ведущий редактор Валентина Шанкина

Дизайнер Николай Винник

Адрес редакции: 119454 Москва,
проспект Вернадского, 76, НКСМИ
МГИМО (У) МИД России

E-mail: ktsmi@mgimo.ru

Издается при поддержке
Центра интернет-политики
МГИМО (У) МИД России

Точка зрения авторов исследований
может не совпадать с позицией и оценками
других специалистов НКСМИ МГИМО (У)

Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии
и множительной техники
МГИМО (У) МИД России
119218, Москва,
ул. Новочеремушкинская, 26
Заказ №187. Тираж 500 экз.
Подписано в печать 5.05.2008

© Кузнецов Игорь Иванович, 2008.
© Сергеев Виктор Михайлович, 2008.
© МГИМО (У) МИД России, 2008.

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

**Научно-координационный совет
по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России**

Центр глобальных проблем

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

выпуск 5(34)
(май 2008)

Игорь Кузнецов, Виктор Сергеев

Проблематика конфликтов «нового поколения»: оценки и прогнозы

Москва
МГИМО – Университет
2008

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Содержание

Введение 3

1. Мотивационные установки участников вооруженных конфликтов 5

2. Конфликт как форма вооруженного противоборства: параметры и характеристики 9

3. Глобализационные процессы, стимулирующие нарастание потенциала конфликтности в международной и национальных средах 11

4. Проблемы приостановления фазы вооруженного противоборства сторон и политического урегулирования конфликта 13

5. Возможный сценарий политико-географического распределения конфликтного потенциала на среднесрочную перспективу 18

6. Аналитические характеристики политико-географического «многоугольника» конфликтности на Ближнем и Среднем Востоке, а также Малой, Южной и Центральной Азии 24

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Проблематика конфликтов «нового поколения»: оценки и прогнозы

Игорь Кузнецов, Виктор Сергеев

Введение

Современное мировое сообщество существует в международной среде, которую оно сформировало прямо или косвенно, намеренно или непреднамеренно своим участием в международных делах и процессах, влияя на нее, в том числе и через межобщественные – транснациональные отношения. Все масштабней и значительней посредством многообразия взаимосвязей внутригосударственные отношения влияют на традиционные межгосударственные отношения. Равным образом, транснациональные взаимосвязи оказывают все более заметное воздействие на состояние и развитие внутриобщественной среды.

Одновременно увеличивается разрыв в экономических, научных, технологических, социальных и потребительских уровнях между, по сути избранной группой высокоразвитых экономик и большинством экономически отсталых стран, представляющих социально и экономически наиболее неблагополучную часть мира. Такое состояние в мировой экономике не только не выравнивается, но очевидны тенденции к увеличению таких диспропорций.

Лишь немногие «восходящие» экономики могут претендовать на сближение орбит с «золотым миллиардом» – либеральными высокоразвитыми экономиками. Такие глубокие социально-экономические различия нельзя объяснить политическими противоречиями, поскольку речь идет о параллельном сосуществовании двух принципиально отличных экономических цивилизаций.

Существо проблемы заключается в состоятельности или несостоятельности, в каждом конкретном случае, экономической и политической моделей развития. Некоторыми обществами и, прежде всего, их элитой может быть принята модель развития, существенно или принципиально отличающаяся от высокопродуктивной модели и воспроизводящая социальную напряженность и деградацию государственности.

Вооруженные конфликты в международной и внутриобщественной среде представляют собой весьма важное социально-цивилизационное явление.

Как явление, существующее в политико-историческом временном измерении, конфликтный потенциал имеет как черты преемственности, так и неповторимости проявлений, неизвестных предыдущей мировой практике. Можно говорить, что в конфликтах XXI века

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

мало общего с конфликтами XX века, но в то же время в ряде аспектов между ними нет принципиальных отличий.

Некоторые черты и характеристики, которые наблюдаемы в конфликтах XXI века, были обычным явлением в XX веке. Межконфессиональные и межэтнические столкновения, этнические чистки и геноцид, террористическо-диверсионные структуры и соответствующие акции различной мотивации, повстанческие войны, иррегулярные вооруженные формирования политизированного или криминального характера, широкое использование наемников и высококвалифицированных военных советников, сепаратистские вооруженные формирования, транснациональные террористические организации и их конспиративные сети, «черные рынки» и дистрибьюторские сети военных материалов и оружия, государственное и частное спонсорство негосударственных вооруженных формирований и террористических структур и, наконец, народно-освободительные и антиколониальные войны являлись неотъемлемой частью конфликтного потенциала.

Можно привести достаточно примеров вооруженных конфликтов в связи с территориальными спорами и использованием международных транспортных коммуникаций – каналов и проливов, вооруженных столкновений за монопольное право добычи ценных полезных ископаемых и природных ресурсов, высокоорганизованного пиратства на международных морских торговых коммуникациях, а также конфликтов, длящихся десятилетиями.

Заметим, что ранее приведены, в частности, различные варианты «несимметричных» вооруженных конфликтов, где одной из сторон являлся «негосударственный» субъект международных отношений. Можно также утверждать, что те же предпосылки, причины и мотивы, которые существовали многие годы, достигли в настоящее время определенного качественного порога. Возможно, именно эти долго накапливавшиеся напряжения международной и национальных сред бросили вызов стабильности государств многонациональных и поликонфессиональных по составу.

В российских и зарубежных исследованиях отмечается устойчивая тенденция подчеркивания роли и значимости «негосударственных» субъектов, как источника конфликтности в международных и, прежде всего в транснациональных отношениях. Это можно назвать новым явлением. Объяснить его можно тем фактом, что в XX веке международное сообщество в целом и отдельные государства в частности придавали подобным конфликтам гораздо меньшее значение, полагая, что основой международного мира является стабильность межгосударственных отношений, а внутригражданский конфликтный потенциал может быть устранен в пределах государственных границ без вмешательства извне. Более того, суверенные государства решительно отстаивали свое право на невмешательство во внутренние дела, отвергая посредничество и помощь международных, в том числе региональных, организаций или стран-посредников.

В связи с этим представляется, что изменилась не столько международная среда, сколько произошла кардинальная переоценка

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

происходящих в них процессов. По крайней мере, три самых масштабных вооруженных конфликта второй половины XX века (на Корейском полуострове, во Вьетнаме и Афганистане), в которых прямо или косвенно участвовали крупнейшие державы мира, решали внутринациональные и внутригражданские проблемы «малых» стран. «Победившие» участники таких конфликтов по значимым для этих стран критериям не могли быть отнесены к «победителям» за исключением «феномена» Южной Кореи.

В настоящее время для прежних участников стратегического соперничества на региональном и глобальном уровнях, где элементы «партизанских войн» были важнейшим ресурсом противоборства, экстремистские повстанческие движения и тесно связанный с ним международный терроризм стали общей угрозой, требующей коллективного противодействия.

Вне поля зрения ООН и мирового сообщества оставалась длившаяся многие годы масштабная ирано-иракская война, в ходе которой применялось химическое оружие. Не только потенциальная угроза, но и реальная опасность использования ОМУ негосударственными субъектами явились важнейшими побудительными стимулами к такой переоценке. Сейчас это одно из важнейших направлений деятельности ООН.

На ведение упомянутых выше войн были израсходованы сотни миллиардов долларов, а людские, прежде всего гражданские, потери превышали миллион в каждом из указанных случаев.

Принципиально важным в оценке конфликтного потенциала международной и национальных сред и тенденций его развития является выделение элементов преемственности, сочетания факторов эскалации конфликтов, которые проявлялись ранее и могут проявиться в будущем.

1. Мотивационные установки участников вооруженных конфликтов

Сравнительный анализ мотивировочной составляющей межгосударственных, транснациональных и внутригражданских конфликтов позволяет предположить, что именно эта составляющая конфликтного глобального потенциала является наиболее «консервативной» и наименее изменяющейся по существу и содержанию, обеспечивающей преемственность локальной, региональной и, в конечном счете, глобальной конфликтности международной и национальных сред во времени.

На основе мотиваций осознаются интересы, определяются цели и принимаются государственно-политические решения, которые ложатся в свою очередь в основу планов по подготовке, вступлению и ведению войны. Подавляющее большинство локальных и региональных (трансграничных) вооруженных конфликтов в предыдущие десятилетия инициировалось квазигосударственными или субгосударственными субъектами.

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Несмотря на то, что именно негосударственный субъект наиболее часто являлся и является традиционной стороной в вооруженных конфликтах, определение параметров и составляющих его «субъектности» представляется достаточно сложной проблемой с научно-прикладной и политико-практической точек зрения. В последнем случае принципиально важно определить отношение к такому субъекту как к объекту силового воздействия или потенциальной стороне на возможных переговорах, а также – в каком формате такие переговоры по урегулированию допустимы.

Сама по себе способность участвовать в вооруженном конфликте не является признаком самостоятельной, «автономной субъектности», без сочетания с иными признаками. В ином случае к категории самостоятельных субъектов можно было бы отнести «наемника», «группу наемников» или иных субъектов, участвующих в конфликте на «несодержательном» уровне.

Размытость и неопределенность признаков «субъектности», разнообразие сочетаний таких признаков самоидентификации и мотиваций к вооруженному противостоянию говорит о практически неограниченном многообразии возможных «игроков» в конфликте. Зачастую таким «игрокам» присущи экстремальная агрессивность и жестокость, неизбирательность и неразборчивость в средствах и действиях, а также полное отрицание норм национального или международного права.

Императивные нормы современного международного права дают возможность провести четкую, международно-правовую, институциональную границу между государственными и негосударственными участниками вооруженных конфликтов, определяющую один из важнейших элементов международного правопорядка.

Государства находятся под защитой международного права и несут ответственность за свои действия перед международным сообществом, а негосударственные участники вооруженных конфликтов далеко не во всех случаях на такую защиту вправе рассчитывать, и, в тоже время, не признают каких-либо форм юридической ответственности.

В свою очередь квалификация негосударственного участника вооруженного конфликта как «воюющей стороны» не является автоматической и сопровождается сложным процессом политико-правового признания и его международно-правового закрепления. Окончательный ответ на подобный вопрос может быть дан только на основе решения большинства стран мирового сообщества, включая и противоборствующую сторону, поскольку признание «воюющей стороной» является первым шагом к международно-политическому признанию. Решающим в определенных случаях может быть мнение Совета Безопасности ООН относительно права негосударственного субъекта на «государственность», выраженное в резолюции, обязательной для всех стран. В то же время, решение о принятии новых членов в ООН принимается двумя третями голосов стран-членов Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности ООН.

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Вышеупомянутые негосударственные «субъекты» могут представлять собой военизированные организации и вооруженные группы, не ставящие перед собой каких-либо ясных политических целей, хотя обычно такие цели, пусть даже в общих чертах, декларируются. В определенных национально-освободительных, повстанческих, сепаратистских, этнических или религиозных движениях можно обнаружить некоторые атрибуты государственности, например аналоги государственно-административного управления, судебной системы, связи с зарубежными правительствами или международными организациями. Однако такие признаки не делают субъекта полноценным, легитимным, полноправным, а самое главное, ответственным (несущим ответственность в соответствии с нормами национального или международного права) субъектом международных отношений.

Идентификация субъекта как самостоятельного и его признание как такового могут быть осуществлены только на основе оценки его «индивидуальных» признаков, поскольку пока не существует общепринятых правил идентификации, а спектр учитываемых факторов достаточно широк и их выбор зависит от других участников конфликта.

В свою очередь, обретение признаков или атрибутов государственно-политической идентичности, международно-политическое признание и международно-правовое закрепление статуса «суверенного государства» может реализоваться как в виде взаимосвязанного, последовательного и единого процесса, так и в виде относительно самостоятельных стадий, реализуемых в «нерегулярной», в том числе обратной, последовательности.

Разнообразие мотиваций и их сочетаний как содержательного основания для участия в конфликте государственных и «негосударственных» субъектов, тем не менее, требует выделения основных, относительно однородных мотивационных установок. Характер и содержательные аспекты мотивации определяют степень обратимости или необратимости (устойчивости) стратегий и жесткости позиций участников вооруженного конфликта, в том числе и в фазе урегулирования.

Вообще говоря, к основным мотивационным установкам участников межгосударственных, транснациональных и внутригосударственных вооруженных конфликтов можно отнести следующие:

- борьба за ресурсы или их перераспределение (полезные ископаемые, водные, лесные и морские ресурсы и ресурсы дна мирового океана) ;
- борьба за использование, в том числе преимущественное, международных торговых путей и иных международных транспортных коммуникаций (международных каналов, рек, проливов, дна мирового океана);
- достижение мирового (геостратегический стимул) или регионального лидерства, политического, военно-политического, военного или экономического доминирования;
- обеспечение военного или военно-политического присутствия в регионе или отдельной стране;

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

- перераспределение сфер влияния между ведущими мировыми державами или их коалициями посредством интервенций и косвенного участия в региональных и локальных конфликтах;
- упреждение силовыми действиями неблагоприятного изменения стратегического баланса или соотношения сил (как военно-стратегический стимул);
- сохранение или изменение регионального баланса сил;
- приращение территорий на основе аргументации геополитического, исторического, этнического, религиозного или культурного характера;
- смена или сохранение политических режимов или политических систем, ликвидация или расчленение отдельных государств, в том числе в виде интервенций ведущих мировых держав;
- борьба за объединение разъединенных наций и народов;
- борьба за независимость и государственно-политическую идентификацию наций, народов и этносов в колониях, на подмандатных и иных зависимых территориях, в автономиях, а также участников государств-уний;
- борьба народов и этносов за выход из состава унитарных и федеративных государств;
- борьба за воссоединение разъединенных мононациональных государств;
- действия регулярных или иррегулярных формирований, а также транснациональные террористические нападения с мотивацией идеологической, политической, социальной, этнической или религиозной нетерпимости;
- контртеррористические операции государств или их коалиций;
- принудительные меры по решению Совета Безопасности ООН в случаях нарушения мира или актов агрессии;
- вооруженное противодействие противостоящей стороны, основанное на полярной, симметричной, асимметричной или производной мотивации.

Включение в спектр мотивационных установок борьбы за глобальное стратегическое превосходство как вероятного мотива масштабного конфликта между крупнейшими мировыми державами и их коалициями требует дополнительных пояснений.

Вероятность такого конфликта, по мнению большинства российских и зарубежных специалистов и аналитиков, считается крайне низкой, поскольку в странах «ядерного клуба» достижение неоспоримого военно-стратегического превосходства посредством масштабного применения ОМУ с политической и военной точек зрения почти безоговорочно рассматривается как иррациональное суждение. Однако, в случае, если какая–либо высокотехнологичная держава или коалиция таких держав приобретет достаточный потенциал вооружений, приводящий к значительному силовому дисбалансу,

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

то масштабный конфликт, основанный на такой мотивации, будет вполне возможен.

Формирование мотивационных установок стороной, подвергшейся нападению или втянутой в конфликт помимо ее воли, происходит в гораздо более сложных условиях ограниченности времени и информации о противостоящей стороне, ее целях и масштабах вооруженного противостояния, Как правило, такая мотивация носит рефлексивный и незавершенный характер. В подобной ситуации определение соразмерности ответных действий становится трудноразрешимой проблемой.

Анализ мотиваций в действиях государственных и негосударственных субъектов, будучи элементом преемственности, в развитии и распределении конфликтного потенциала, хотя и не может дать точных и детальных прогнозов, тем не менее, позволяет говорить о возможных или вероятных, достаточно обобщенных тенденциях и сценариях проявления такого потенциала, по крайней мере, в среднесрочной перспективе.

Данный аспект оценки важен еще и потому, что он определяет основу отношения участников конфликта к таким критически значимым проблемам, как прекращение вооруженной фазы конфликта и выработка реализуемой формулы урегулирования.

2. Конфликт как форма вооруженного противоборства: параметры и характеристики

Конфликту как форме вооруженного противоборства присущи такие характеристики как интенсивность, длительность и пространственные параметры. Конфликт также характеризуется по виду и составу участников, видам используемых вооружений, методам и способам ведения боевых действий, оперативным и тактическим приемам, принципам построения и организации используемых сил. Существуют и иные военно-профессиональные нормативы и критерии оценки вооруженного противоборства.

По мнению российских и зарубежных военных теоретиков и специалистов, придерживающихся «классических» взглядов, многовариантность сочетания различных факторов, в том числе внезапность нападения и ограниченность информации о противнике, влияющие на ход и исход военных действий, состояние и боеготовность противоборствующих сторон, а также непрерывно изменяющееся соотношение боевых возможностей участников противоборства, позволяет говорить о невозможности прогнозирования даже общих характеристик ожидаемого или предполагаемого конфликта.

Например, в рамках Первой и Второй мировых войн (войн «четвертого поколения») ни одна из стран-участниц не смогла сколько-нибудь достоверно спрогнозировать и определить возможный состав коалиций, начало, ход, длительность, объем требуемых ресурсов и последствия этих войн.

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Условно войнами «пятого поколения» можно было бы считать войны с применением ОМУ, однако мировое сообщество благополучно миновало это поколение войн, и сейчас военные приготовления развитых государств следуют в русле концепции войн «шестого поколения», основанной на применении сверхточных вооружений, информационного превосходства, искусственном интеллекте, компьютеризации боевых систем и дистанционном управлении боевыми действиями.

Конечно, такой военно-технический прорыв изменит соотношение сил в пользу узкого круга «высокотехнологичных» государств, но в наименьшей степени повлияет на качественные, количественные и мотивационные (содержательные) параметры глобального конфликтного потенциала или формы его проявления.

Мотивы и цели «большой» войны или регионального вооруженного конфликта остаются исторически теми же – ликвидация военной и экономической мощи противника, а следовательно, политического влияния или государственности, получение материальных преимуществ или иных «нематериальных» форм превосходства над противостоящей стороной.

Какое бы оружие ни создавалось на известных или новых физических принципах, оно никогда не будет ни абсолютным, ни универсальным. Можно создать высокоточные системы вооружений, но «высокоизбирательных войн» без нанесения значительного прямого или косвенного ущерба, прежде всего гражданскому населению, в принципе быть не может.

Если такие войны будет в состоянии вести узкий, избранный круг государств, то как будут разрешать свои конфликтные отношения остальные государства, имеющие менее технологичные, например ядерные вооружения? Далеко не всегда развитые государства будут склонны вести дорогостоящие «высокотехнологичные» войны в случае региональных, а тем более локальных конфликтов, второстепенных с точки зрения их стратегических, политических или иных интересов. В данном случае стратегия дистанцирования была бы более чем оправданной.

Общепризнанной является тенденция распространения и усиления потенциала конфликтности по политико-географической горизонтали по существу по всем азимутам. Во многих странах Азии, Африки, Латинской Америки, а также Южной и Юго-Восточной Европы нарастает потенциал трансграничной, межэтнической и внутригражданской конфликтности и нестабильности, происходит «депасификация» и радикализация внешнеполитических доктрин. В первую очередь такая тенденция касается крупных государств Азии и стран Восточной Европы.

Внешнее сходство «физических» характеристик и параметров отдельных конфликтов «нового поколения» не исключает их очевидных отличий по сущностным, содержательным аспектам. В то же время, конфликтный потенциал может реализовываться в различных, в том числе непредвиденных, формах.

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

3. Глобализационные процессы, стимулирующие нарастание потенциала конфликтности в международной и национальных средах

Одной из важнейших особенностей глобализации является бурный рост масштабов, интенсивности и видов транснациональных обменов не только в группе высокоразвитых экономик, но и между группой развитых стран, стран «восходящих» экономик и политической, экономической и социальной периферией современного мирового сообщества. К таким обменам необходимо отнести обмен товарами, услугами, капиталами, научными и технологическими знаниями, специалистами и предпринимателями, трудовыми ресурсами и туристами, а также наглядной, благодаря глобальной сети СМИ, социально-экономической информацией о развитых странах. В ответ развитые общества сталкиваются с информационной агрессией террористических структур и экстремистских движений.

Наряду с легальной, транспарентной и конструктивной составляющими этих глобальных обменов все в больших масштабах проявляется деструктивная составляющая в виде роста объемов международной теневой экономики, деятельности преступных международных синдикатов по торговле оружием, наркотиками, высокотоксичными и радиоактивными материалами, а также легализации незаконных доходов.

В свою очередь, доступность научных знаний, технологий и оборудования, опасных химических и биологических веществ на легальных и теневых рынках предоставляет большие возможности создания поражающих средств и устройств «непромышленного» изготовления.

«Черные» рынки оружия, легкого вооружения «нового поколения» и современных средств связи в сочетании с нелегальными финансовыми потоками дают возможность вооружать тысячи бойцов повстанческих армий, отряды полевых командиров, обучать и вооружать диверсионные и террористические группы, создавать международные террористические сети и обеспечивать временные или постоянные места базирования.

Интенсивно, с перегрузками, работающие международные транспортные коммуникации и система контроля на национальных границах пока не в состоянии обеспечить необходимого уровня безопасности и соответствующей «непроницаемости» границ в большинстве государств.

Упомянутые «оборотные» стороны глобализации через расширение транснациональных обменов сами по себе не являются конфликтообразующими факторами, однако могут существенно облегчить разрушительные действия «негосударственных» образований и усложнить осуществление мер активного совместного противодействия.

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

В свою очередь, такие процессы как неэквивалентный обмен на мировых товарных и финансовых рынках, обескровливающий экономики менее развитых стран, а также широкий поток информации о развитых странах через глобальные информационные сети вызывают социально-экономический «шок» у населения слаборазвитых стран. При этих условиях создаются предпосылки для социально-экономической и внутриполитической дестабилизации и массовой экономической эмиграции наименее благополучных слоев населения, нередко далеких от социально-культурных, правовых и иных общественных стандартов «новой» страны пребывания.

Совершенно очевидно, что такие значительные по масштабам эмиграционные потоки могут быть использованы в подрывных целях хотя бы потому, что эмигранты еще длительное время в той или иной степени остаются членами этнических и национальных диаспор, землячеств, общин и религиозных обществ либо зависят от них в материальном отношении.

По мнению многих российских и зарубежных экспертов, стратегия экономической и политической либерализации в рамках политических систем западного типа в подавляющем большинстве слаборазвитых стран и, прежде всего, в странах исламского мира, на которую возлагали особые надежды высокоразвитые страны во второй половине XX века, принесла лишь ограниченные результаты.

В подавляющем большинстве стран «развивающегося мира» формальные демократические институты представляют собой ширму для авторитарных режимов, правления кланово-олигархических сообществ и кланово-трайбалистских объединений, коррумпированной политократии и теневых экономических группировок, а также экстремистских религиозных движений.

Практика последних двух десятилетий показывает, что основным источником агрессивного, нигилистического отношения к современным гражданским демократическим институтам, а также исторически сложившимся нормам и правилам международного общения являются различные радикальные интерпретации ислама.

Следует особо обратить внимание на то обстоятельство, что наиболее выживаемыми в исламском мире являются авторитарные, монархические и теократические политические системы

В ряде стран исламского мира наличие активной политической экстремистской оппозиции как в легальном, так и нелегальном вариантах стало обычным явлением. Например, вытеснение исламистских группировок из публичной политики Алжира в 1992 году привело к затяжной гражданской войне. «Политический ислам» активизируется в Иордании, Ливане и Марокко.

Соответственно, США и их союзники пытаются если не предотвратить, то, по крайней мере, приостановить тенденцию к «исламизации» и «теократизации» политических режимов на обширном пространстве от Филиппин на востоке и Западной Сахары на западе. По существу, в Ираке, да и во многих других странах

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

«освободительные» движения ставят перед собой цель создания не светских, а теократических государств. Националистические и патриотические, по прежним оценкам и «стандартам», повстанческие движения трансформируются в вооруженные экстремистские секты, пользующиеся определенной общественной поддержкой.

Назвать противостояние таким тенденциям успешным (со стороны развитых стран мира) было бы преждевременным. Это противостояние будет предопределять вовлеченность развитых стран, в том числе и в виде военно-силовых интервенций, в «проблемные» регионы и страны. Перспектива возникновения теократических исламских государств, обладающих ядерным оружием, например в Иране или Пакистане, является для США и их союзников абсолютно неприемлемой.

Можно предположить, что вышеуказанные факторы и будут определять долгосрочные тенденции государственно-политического развития «расширяющегося» исламского мира, а также главные приоритеты внешнеполитических стратегий, входящих в него стран.

В свою очередь, во многих странах «развивающегося мира» будут доминировать не формально декларированные демократические институты, а неформальные «теневые» политические, социальные и экономические социальные сети, создавая узлы внутриобщественных и межгосударственных противоречий. В этой же группе развивающихся стран происходит быстрая деградация сфер политико-административного управления, судебных и правоохранительных систем, поляризация обществ, радикализация и их распад на вооруженные враждующие между собой массовые движения.

Деградация или распад государственной системы и нарастание конфликтного потенциала как внутри страны, так и с сопредельными странами, представляют собой взаимообусловленные и взаимоусиливающие друг друга, труднообратимые процессы.

4. Проблемы приостановления фазы вооруженного противоборства сторон и политического урегулирования конфликта

Международное сообщество в течение более чем шестидесяти лет существования ООН приобрело значительный и многообразный опыт приостановления и прекращения военных действий конфликтующих сторон, принуждения к миру или отражения агрессии, опираясь на полномочия Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи ООН, а также возможности региональных и коллективных систем безопасности.

Однако, само по себе приостановление фазы вооруженного противоборства, каким бы длительным оно ни было, сохраняет свойство обратимости и является по сути временным, промежуточным со-

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

стоянием. При этом такое состояние не предрешает окончательных параметров урегулирования.

Окончательное и необратимое политическое урегулирование международных и внутринациональных конфликтов, обеспеченное взаимными договорными обязательствами сторон и международными гарантиями, было довольно редким явлением, а постконфликтные зоны являлись местом и источником возникновения «производных» конфликтов, проявлявшихся в иных формах силового воздействия и противостояния.

В целом применение военной силы, как известно, неизбежно или возможно в случаях, когда отсутствуют иные политические, экономические или институциональные, в том числе правовые, средства достижения целей, либо военно-силовое воздействие дает заведомо лучший результат обеспечения национальных или коалиционных приоритетов.

Склонность стороны к невоенному варианту урегулирования усиливается по мере снижения привлекательности решения проблемы военным путем и возрастания привлекательности невоенного варианта разрешения конфликта.

Однако такое правило имеет ряд существенных исключений.

Прежде всего, таким исключением является случай, когда речь идет об «абсолютных» с точки зрения государства и общества ценностях: государственном суверенитете, независимости во внутренних и международных делах, верховенстве власти, территориальной целостности и национально-культурной идентичности. Такая переговорная проблематика не может быть предметом существенных уступок, компромисса или «торга».

Другим вариантом неизбежного использования военной силы является ситуация, когда государство ставит перед собой неограниченные цели нанесения военного поражения противнику «в любом случае». Третьим вариантом является вступление государства в войну с иррациональными, неподкрепленными балансом сил целями.

Применение военной силы в любом случае направлено на внеполитическое и внеэкономическое принуждение противной стороны, как в ходе конфликта, так и в случае ее поражения. Истребление военной силы противника; меньшей или большей части его гражданского населения как потенциального мобилизационного ресурса; ликвидация государственности или смена политической системы; насильственные ассимиляция, переселение или депопуляция; экономическое обескровливание; территориальные захваты или исключительные права в той или иной сфере национальной или международной жизни всегда, в том или ином сочетании, являлись основополагающими исходными элементами целеполагания[1] при принятии политического решения о начале военных действий.

[1] Целеполагание в политике – исходный пункт политической технологии, заключающийся в формулировании основных задач, установок, конечных результатов, ради достижения которых предпринимаются те или иные действия. Как важнейший элемент в теории политики

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Подобные мотивы лежат в основе агрессии негосударственных субъектов, реализуясь в жестоких и антигуманных формах. Такие действия достаточно сложно оправдать и квалифицировать как освободительные или оборонительные.

Поэтому международно-правовые и международно-политические институты мирного разрешения споров и политического урегулирования вооруженных конфликтов имеют непреходящую ценность. Лишь в крайне редких случаях отражение нападения противника представляло собой главный мотив и цель участия в вооруженном конфликте. К такому варианту целеполагания можно было бы отнести стремление одной из воюющих сторон возвратиться к предвоенному положению или сохранению существующего «статус-кво», не ущемляющего интересы другой стороны.

Анализ структуры возможных мотивов и декларируемых целей сторон, участвующих в вооруженных конфликтах, показывает, что обеспечение реализации даже таких ограниченных целей требует активного посредничества международных организаций и третьих стран, способных выступать в качестве гарантов урегулирования.

В свою очередь, как показывает практика, попытка реализовать подобные ограниченные цели в ходе войны может потребовать колоссальных экономических затрат и привести к масштабным людским потерям. Мирное урегулирование в большинстве случаев является наилучшей альтернативой взаимному экономическому истощению сторон в ходе военных действий. Данное обстоятельство тем более важно, что стороны в конфликте, как правило, являются слаборазвитыми странами.

Определение действительных мотивов вступления в вооруженный конфликт той или иной стороны представляется принципиально важным для анализа и оценки предпереговорных позиций участников конфликта.

Как при прямом диалоге, так и в переговорах через посредников, стороны в силу объективных обстоятельств, в частности для усиления предпереговорной и переговорной позиций, а также эффективного использования «козырей для торга», основывают свои подходы не на мотивации и объективном фактологическом материале или экспертных заключениях, а на так называемой «расширенной аргументационной базе». При этом, нередко произвольно интерпретируемый сторонами фактологический и экспертный материал о причинах, ходе и последствиях вооруженного конфликта становится фундаментальной основой прямо противоположных переговорных позиций.

К собственно фактологической информации и экспертным данным, касающимся непосредственно конфликта, подлежащего урегулированию, добавляется значительный массив исторической, политической, историко-правовой, историко-культурной или

целеполагание объясняет действия субъектов политики через цели, которые они ставят перед собой и знание условий и средств реализации этих целей (Прим. авторов).

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

конфессиональной аргументации. Таким образом, в переговорном процессе сопрягаются или конкурируют переговорные позиции, лишь опосредствованно отражающие действительные мотивы и цели сторон, в том числе и в фазе политического урегулирования.

Подобное, «субъективно» выгодное для каждой из сторон построение пред- и переговорных позиций, существенно усложняет процесс урегулирования, требует многогранных усилий и многостороннего посредничества и, как показывает международная практика, на многие годы и десятилетия растягивает переговорный процесс. «Расширенная» аргументационная база приобретает в ходе переговоров свою собственную инерцию, заводя переговоры в безнадежный тупик.

В свою очередь посредник располагает весьма ограниченным набором сценариев, которые были бы, хотя бы отчасти, приемлемы для сторон и, в тоже время, соответствовали бы международным политическим и правовым стандартам, а также международной практике.

Международные универсальные и региональные структуры, ответственные за поддержание международного мира и безопасности, структуры коллективной безопасности, а также избранные в качестве посредников или гарантов страны и международные организации вынуждены разрабатывать «промежуточные» сценарии урегулирования в ограниченном «пространстве» между сохранением прежнего «статус-кво» и окончательным фиксированием вновь созданной конфликтом ситуации как необратимой.

При этом, далеко не всегда такой возврат «в исходное состояние» возможен, например, в случаях геноцида и массовых этнических чисток, уничтожения исторических и культурных памятников, необратимых разрушений среды обитания и жизнеобеспечения населения.

Практика международного переговорного процесса по урегулированию конфликтов за последние десятилетия показывает, что подавляющее большинство «промежуточных» компромиссных вариантов были принципиально неприемлемы для сторон, либо не соответствовали международным стандартам.

В среднесрочной и долгосрочной перспективах все более будет возрастать потребность в эффективном, реализуемом в разумные политико-исторические сроки урегулировании конфликтов, как приостановленных в «послевоенной фазе», так и тех, которые могут возникнуть в XXI веке.

В то же время, потенциал международных универсальных и региональных институтов по предотвращению конфликтов, принуждению к миру, миротворчества и посредничества не возрастает, а сокращается.

В последние два десятилетия заметно проявилось дистанцирование главных органов ООН – Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи – от предотвращения, приостановления и урегулирования региональных и локальных конфликтов, делегирование этих важнейших функций военно-политическим и экономическим коалициям. С

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

учетом абсолютного роста числа конфликтов, относительная «доля» ООН в их урегулировании существенно сократилась. Но одновременно снизился и международно-правовой уровень «стандартов» урегулирования.

Механизм принятия решений и замедленные процедуры подготовки операций ООН, сложности с их финансированием практически исключают своевременное развертывание сил ООН и реагирование на кризисные и конфликтные ситуации. В то же время, уже в среднесрочной перспективе потребность в эффективных структурах и механизмах урегулирования может возрасти многократно.

В целом пока отсутствуют общепринятый кодекс или, по крайней мере, систематизация государствообразующих обязательных институциональных требований, политических, экономических, социальных, гуманитарных, этно-национальных и культурных стандартов урегулирования вооруженных конфликтов, обеспечивающих необратимость результатов урегулирования, а также правил, регулирующих политико-организационные, политико-содержательные и правотворческие аспекты переговорного процесса.

Обоснованное сопряжение содержательных «измерений» переговоров с императивными и вновь создаваемыми договорными нормами права определяет конечный, качественный результат такого переговорного процесса, отличного от урегулирования «неконфликтных» отношений.

Существующее положение с доминированием политико-дипломатического компромисса, допускающего многочисленные, порой несовместимые, толкования формул урегулирования на содержательном уровне, не может быть адекватным ответом на рост глобального потенциала конфликтности.

Достигнутое на основе «компромиссных решений» урегулирование, закрепленное в соответствующих договорах или соглашениях и удостоверенное международным посредничеством, не может считаться правомерным и обязательным, если оно явилось результатом политического, экономического (или иной формы) давления со стороны посредника или третьих стран на какую-либо из конфликтующих сторон, добросовестно участвующую в переговорном процессе и не уклоняющуюся от переговоров.

В свою очередь публичная позиция региональной системы безопасности или страны-посредника по содержательным аспектам урегулирования не должна предрешать его результатов, поскольку в таком случае посредник превращается из уполномоченного мандатом универсальной международной организации или конфликтующих сторон организатора переговорного процесса в самостоятельного, но нелигитимного с международно-правовой точки зрения участника переговоров либо представителя одной из конфликтующих сторон.

Тем более, недопустимым является «одностороннее» подписание соглашений по урегулированию с последующим военно-силовым воздействием на сторону, не подписавшую такие соглашения. По

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

существу подобное «одностороннее» подписание, в том числе и под нажимом посредников, представляет собой ультиматум, не совместимый в принципе с переговорами, которые являются важнейшим элементом международно-правового института мирного разрешения споров. Главным и единственным полномочием международного посредника или посредников на завершающем этапе переговоров является удостоверение в письменной или иной форме достигнутой между конфликтующими сторонами договоренности на основе свободного волеизъявления.

Проблема разработки, систематизации и регламентации международных правил ведения переговоров по урегулированию вооруженных конфликтов, определяющих нормы добросовестного участия в них как конфликтующих сторон, так и международных посредников имеет актуальное и непреходящее значение, прежде всего с учетом неоднозначного опыта урегулирования ряда конфликтов, накопленного в последние годы.

5. Возможный сценарий политико-географического распределения конфликтного потенциала на среднесрочную перспективу

Большинство российских и зарубежных экспертов склоняется к мнению, что глобальный потенциал конфликтности будет нарастать через узлы противоречий и зоны нестабильности в наиболее слаборазвитых странах и субрегионах. В этих политико-географических зонах увеличивается разрыв между способностями национально-политических элит обеспечить выход из катастрофических и кризисных экономических ситуаций и состоянием элементарного, угрожающего вымиранием, макроэкономического недопотребления. Тем самым создаются условия необратимости внутренней эскалации конфликтов и гражданского раскола.

В то же время, многообразность мотивационной базы позволяет предположить, что целью обращения к организованной вооруженной борьбе может быть не только восстановление социальной справедливости, но и – в условиях неразвитых гражданских обществ и доминирования радикальных религиозных доктрин, архаичных племенных традиций и нравов – обычное вооруженное насилие для получения военной добычи в виде материальных благ или «властных» преимуществ.

Умело направляемая социальная ненависть в сочетании с религиозной нетерпимостью позволяет идентифицировать «внешнего врага» по какому- либо понятному отличительному (в том числе по расовому, этническому, классовому или религиозному) признаку. Существуют достаточно эффективные средства, методы и приемы индивидуальной, групповой и массовой индоктринации как светского, так и религиозного характера.

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Таким образом, конфликтный потенциал распределяется не только по критерию «бедности», но и по критериям активности, агрессивности и непримиримости с «внешним или внутренним врагом», межэтнической, религиозной или иной несовместимости, борьбы за перераспределение локальных или региональных ресурсов выживания. Параметры конфликтного потенциала определяются также степенью вовлеченности США и их союзников в региональные дела как реальных или потенциальных конкурентов национальных государственных или частных ресурсодобывающих компаний, стремящихся обеспечить свободный доступ к мировым ресурсам и рынкам сбыта.

Вполне понятно, почему основной конфликтный потенциал генерируется и реализуется в основном по южному периметру суперконтинента Евразии.

Указанный конфликтный потенциал можно разделить на два элемента: «азиатский конфликтный кластер», связанный с относительно зависимыми конфликтными потенциалами стран Северо-Восточной и Северной Африки, Центральной и Юго-Восточной Азии, а также самостоятельную по конфликтообразующим факторам «южно-европейскую группу конфликтов».

«Азиатский конфликтный кластер» включает в себя турецко-курдскую зону конфликтности с трансграничным потенциалом на территории Северного Ирака, сложную конфликтную зону на территории Ирака, самовоспроизводящийся конфликтный контур «Израиль –Палестинская автономия – Ливан – Сирия», потенциальную конфликтную зону Ирана, афганскую конфликтную зону, а также индо-пакистанскую конфликтную зону.

Таким образом, по крайней мере, четыре из шести указанных зон представляют собой районы активных вооруженных столкновений с высокой вероятностью возрастания уровня конфликтности в виде повстанческих войн, масштабных диверсий, террористических нападений и контртеррористических операций на среднесрочную перспективу.

В Иранской зоне и, скорее всего, в прилежащей зоне Персидского залива в среднесрочной перспективе существует вероятность вооруженного конфликта с участием США. В индо-пакистанской зоне в среднесрочной перспективе возможен сдерживаемый сторонами незначительный рост конфликтности в виде отдельных трансграничных столкновений неконтролируемых Дели и Исламабадом иррегулярных формирований и без активных действий вооруженных сил Индии и Пакистана.

В то же время в странах региона Южной Азии накапливается и «внутренний» потенциал конфликтности. Северо-западные и южные приграничные районы Пакистана фактически контролируются религиозными экстремистскими группировками, а не центральным правительством. Более чем 100-миллионное мусульманское население Индии может быть источником нестабильности и внутригражданских конфликтов. В индийских штатах Манипур и Ассам действуют

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

повстанческие сепаратистские движения промаоистского толка. С подобным повстанческим движением ведет борьбу и правительство Непала.

В Юго-Восточной Азии наиболее проблемной с точки зрения конфликтного внутреннего межэтнического и межконфессионального потенциала является Индонезия. Многочисленные межэтнические и религиозные конфронтации, наличие повстанческих движений, группировок исламских экстремистов, а также расположение страны на многочисленных отдаленных островах делают задачу образования общегражданского пространства трудноразрешимой. Соответственно, в Индонезии существуют практически все предпосылки для значительного роста и реализации конфликтного потенциала.

Подавляющее исламское большинство населения Малайзии и Индонезии оказывает жесткое давление на светские власти с целью «огосударствовления» ислама и превращения религиозных и этнических меньшинств в социальную периферию.

Правительство Филиппин уже более 35 лет ведет борьбу с мусульманским сепаратистским движением ИФОМ на острове Минданао и отделившейся от него в 2002 году террористической организацией «Абу-Сайяф», являющейся, по сути, местным отделением «Аль-Каиды», а также с повстанческим движением «маоистского» направления на юге страны.

Потенциал конфликтности в странах Центральной Азии будет нарастать за пределами среднесрочного периода на транснациональном (трансграничном) уровне в связи с обостряющейся проблемой водопользования пересыхающих рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, играющих особо значимую роль для сельского хозяйства этих стран, а также неразрешенными спорными вопросами использования плодородных земель Ферганской долины.

Другим, наиболее вероятным измерением нарастания конфликтности может быть дальнейшее существенное ухудшение внутренней социально-экономической ситуации или появление «оппозиционных» кланов, пользующихся мощной внешней экономической поддержкой.

Наиболее уязвимым в экономическом отношении является Таджикистан, где легальная исламская оппозиция является частью политической системы. Увеличивающиеся по объемам поставки наркотиков через афганскую границу могут создать значимую финансовую базу для вооруженных оппозиций и террористических структур не только в Таджикистане, но и в сопредельных с ним странах. В то же время, общества в странах Центральной Азии не имеют надежного «иммунитета» от воздействия экстремистских исламистских группировок или «цветных» революций. В ранее относительно стабильном Узбекистане нарастает активность исламистских террористических группировок.

Южно-европейская группа конфликтов включает потенциально конфликтные зоны Сербия – Косово, Молдавия – Приднестровье,

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

«сложную» зону грузино-абхазского и грузино-южноосетинского конфликтов, а также армяно-азербайджанскую зону конфликтных отношений по Нагорному Карабаху.

В среднесрочной перспективе возможно возобновление фазы вооруженного противоборства по инициативе косовских вооруженных формирований, уход косоваров с переговоров (как бесполезных), одностороннее декларирование независимости, с последующей ограниченной операцией блока НАТО по расширению военного присутствия с целью фактического отторжения Косово и передачи реальных полномочий администрации косоваров и установлением дипломатических отношений с этим новым субъектом международных отношений странами НАТО и Евросоюза.

В среднесрочной перспективе как молдавско-приднестровский, так и армяно-азербайджанский конфликты будут оставаться в фазе отсутствия вооруженного противоборства и вялотекущего переговорного процесса без перспективы политического урегулирования конфликтов.

В зоне грузино-абхазского и грузино-южноосетинского конфликтов возможно возобновление фазы вооруженного противоборства сначала в виде локальных столкновений, а затем вторжения по инициативе грузинской стороны с учетом ослабления военных возможностей отколовшихся автономий.

В случае неудачного вторжения грузинская сторона попытается использовать локальные инциденты как обоснование провала миротворческих сил и их замены на миротворческую операцию без участия России. Равным образом грузинская сторона будет предпринимать шаги к установлению системы посредничества без участия России и стран СНГ.

В течение среднесрочного периода уровень террористической опасности для стран Западной Европы будет оставаться повышенным в связи с продолжением коалицией военных операций в Афганистане и Ираке, а также политической конфронтацией с Ираном. Возможна активизация террористической активности сепаратистских движений в Испании и Великобритании.

Для южных регионов России и, в первую очередь, Северного Кавказа в указанный период уровень террористической опасности, по-видимому, будет снижаться от среднего к низкому. Вместе с тем, остается потенциал конфликтности в «нечеченских» районах Северного Кавказа.

Вторым по значимости с точки зрения возможной концентрации конфликтного потенциала и его проявления является Африканский континент. В среднесрочной перспективе наибольший потенциал конфликтных отношений может возникнуть в регионах Северо-Восточной, Восточной и Северо-Западной и Западной Африки, а также странах «субрегиона Африканских озер», наиболее уязвимых с точки зрения межэтнических и межплеменных разногласий.

В регионе Африканского Рога, Сомали и сопредельных стран возник устойчивый и расширяющийся «кластер» сложной конфлик-

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

тности, подпитываемый спонсорством «богатых» арабских стран. Сам по себе регион имеет особую гео- и военно-стратегическую значимость, что предопределяет непосредственную и косвенную вовлеченность как США и их союзников, так и их основного противника – транснациональных сетей и структур «международного терроризма».

По существу происходит «исламизация» этого региона одновременно в двух конкурирующих вариантах – «умеренном» и «радикальном» – с явным доминированием последнего.

Главными субцентрами конфликтной зоны являются Сомали и Судан, гражданская экономика которых практически отсутствует, и гражданское население существует за счет иностранной помощи или поддержки международных фондов или организаций.

На территории Сомали расположено несколько практически недоступных баз и лагерей террористических группировок «глобальной» и «страновой» (антиалжирской, антиегипетской, антиливийской и т.д.) направленности, то есть «Аль-Каиды» и ее региональных организаций.

Эффективность террористических нападений упомянутых группировок, так же как и уязвимость собственного населения, для правительств стран Северной Африки более чем очевидна, в связи с чем эти страны уклоняются от «внешней» контртеррористической поддержки и защиты, не рассматривая их в качестве гарантии собственной безопасности.

Судан является зоной конфликтности с двадцатилетней историей, где происходит планомерная ликвидация негроидного населения в западных районах страны доминирующим «северным» арабо-этническим большинством, вытеснение из страны населения христиано-коптского и «языческих» вероисповеданий или его насильственная исламизация в южных районах. На территории Судана также расположены базы и лагеря филиалов террористических организаций: «Аль-Каиды» и ее региональных ответвлений. В Судане также базируется достаточно активное сепаратистское повстанческое движение за образование независимого государства на восточных территориях республики Чад.

Несмотря на прекращение вооруженного конфликта между Эфиопией и Эритреей, длившегося 12 лет, возобновление интенсивных боевых действий между сторонами возможно даже по самому незначительному поводу. Соответственно, только массированная внешняя поддержка позволяет небольшому государству Эритрея, половина населения которого исповедует ислам, расходовать на военные нужды около 30 % своего ВВП.

В конце 2006 – весной 2007 годов Эфиопия с целью поддержки центрального правительства в Могадишо и подавления «трансграничных» повстанческих движений на севере Сомали направила свои вооруженные контингенты на территорию этой страны. Однако, правительство в Могадишо потребовало скорейшего вывода «победоносных» эфиопских воинских подразделений как из столицы, так и вообще с сомалийской территории. Отношения между Сомали и

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Эфиопией содержат значительный «скрытый» потенциал конфликтности по территориальным вопросам.

Экономики стран региона неспособны содержать гражданское население.

Вторым по геостратегической значимости является зона конфликтности в Западной Сахаре, большая часть которой оккупирована марроканскими войсками, противостоящими в течение 30-ти последних лет сравнительно малочисленному повстанческому фронту Полисарио, спонсируемому Алжиром и Ливией.

В гражданскую войну в Демократической Республике Конго (ДРК), начавшуюся в 1998 году, оказались втянутыми Ангола, Зимбабве, Замбия, Намибия, Руанда, Свазиленд и Уганда. Причиной «интернационализации» гражданского конфликта в ДРК является несовпадение расселения «не основных» и основных «народо-составляющих» племен с государственными границами сопредельных стран. В свою очередь центральное правительство получило существенную поддержку в виде «интернационального» вмешательства «несопредельных» стран. Конфликт продолжается в вялотекущей форме без перспектив реального урегулирования.

Значительный внутригражданский конфликтный потенциал накапливается в Нигерии, население которой под давлением региональных властей подвергается массовой исламизации с перспективой теократизации правовой системы страны, а в районах нефтедобычи происходят непрерывные столкновения правительственных войск с местными повстанческими движениями, требующими более справедливого распределения доходов от добычи нефти.

Малые страны региона Западной Африки представляют собой неустойчивые политические режимы с высоким уровнем противоречий между различными племенами и их объединениями, с практически распадающимися экономиками и хронической внутриобщественной нестабильностью. Близость этих стран к развитым и преуспевающим странам Европы, а также относительно развитые экономические связи, основанные на монокультурном экспорте, по сути оказывают разрушающее воздействие на экономики этих стран, подрывая позиции прозападных политических элит и средних слоев населения.

Пример ряда стран Западной Африки демонстрирует недееспособность демократических институтов, созданных в ряде стран региона многие десятилетия назад. Несмотря на то, что в Либерии конституция была принята в 1847 году, эта страна считается источником дестабилизации сопредельных малых стран, например таких, как Кот д'Ивуар и Сьерра-Леоне. Большинство стран Западной Африки в 1960–80-е годы предпринимало попытки построения «социалистической» модели общества, в наследство от которой сохранилось устойчивое стремление политических элит этих стран к однопартийной системе.

Таким образом, схема глобального распределения потенциала конфликтности в среднесрочной перспективе будет выглядеть в виде главного системообразующего «кластера» в политико-географическом пространстве многоугольника: от юга Турции до севера Афганистана,

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Ближнего Востока на западе, включая Иран, Ирак, страны Аравийского полуострова на юге, до Северо-Западного и Южного Пакистана на востоке с «производными» ответвлениями в Северную и Северо-Восточную Африку, Западную и Восточную Европу, Центральную и Юго-Восточную Азию. «Седьмой» потенциально опасной зоной конфликтности в этом регионе можно считать страны Аравийского полуострова.

С учетом наличия в этом «многоугольнике» стратегических союзников и партнеров США, а также особых экономических интересов, степень их вовлеченности и вероятность осуществления силовых акций в среднесрочной перспективе будет возрастать, реализовываясь в вариантах как оборонительных, так наступательных стратегий. Для США и их союзников данный «многоугольник» является не только рубежом противодействия терроризму «на дальних подступах», но и стратегически важной зоной, где главным источником угроз и опасности считается Иран.

В то же время можно выделить и ряд относительно «автономных» групп конфликтов: «южно-европейскую», «западно- и центрально-африканские», а также «южно-американскую».

Распространение потенциала конфликтности, связанного с террористическими нападениями, а также возрастание его интенсивности будут происходить преимущественно по указанным «производным» направлениям с использованием факторов внезапности, синхронности реализации таких нападений в различных, даже отдаленных друг от друга политико-географических регионах и с применением расширенного спектра средств поражения.

В свою очередь спектр «разновидностей» негосударственных участников вооруженных конфликтов, организаторов и исполнителей террористических нападений может стать значительно шире.

6. Аналитические характеристики политико-географического «многоугольника» конфликтности на Ближнем и Среднем Востоке, а также Малой, Южной и Центральной Азии

Исследование составляющих конфликтного потенциала в обозначенном ранее «кластере» основывается на следующих аналитических измерениях:

- полярности (несовместимости), степени асимметричности или симметричности мотиваций (базовых ценностей) противоборствующих сторон;
- абсолютной или относительной приоритетности основополагающих мотивационных установок;
- способности различных участников поддерживать тот или иной уровень интенсивности конфликта;

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

- асимметричности по видам участвующих сторон и соответственно видам силовых действий;
- резервных ресурсов противоборства государственных и «негосударственных» субъектов;
- количественно-качественных свойств спектров мотиваций противоборствующих сторон.

Степень совместимости мотивационных установок противоборствующих сторон в указанном политико-географическом пространстве можно охарактеризовать как крайне низкую .

1. Развитые страны ставят перед собой стратегическую цель обеспечения свободного доступа к мировым ресурсам (источникам стратегического сырья).

Развивающиеся страны считают, что доступ к национальным ресурсам определяется на основе их неоспоримого экономического суверенитета, а ресурсы сами по себе могут быть универсальным «фактором влияния».

2. Ведущие развитые страны убеждены, что внедрение институтов либеральной политической и экономической «модели» в развивающихся странах само по себе способно создать ситуацию самодостаточности и компенсировать диспропорции в мировой экономике.

Развивающиеся страны полагают, что внедрение либеральных институтов деморализует и разрушает «традиционные» общества и усугубляет экономические диспропорции.

3. Большинство развивающихся стран полагает, что национальные (религиозные, политические, общественные, экономические, культурные) ценности имеют приоритет над «внешними», а категории общецивилизационных ценностей не существует.

Развитые страны убеждены в том, что демократические институты и либеральная экономическая система являются достижением цивилизации и должны существовать, если не повсеместно, то в стратегически важных регионах.

4. Для сдерживания политического давления, ограничения экономической эксплуатации, защиты религиозных и иных внутриобщественных ценностей, а также предотвращения вооруженной агрессии развитых стран применимы любые виды вооружений и средства вооруженной борьбы или силового, в том числе террористического, давления.

Недемократические страны являются источником потенциальной ядерной угрозы и реальным источником террористической опасности, а возникновение теократических государств, обладающих ядерным оружием или другими средствами ОМУ, абсолютно неприемлемо.

5. Развитые страны вправе иметь стратегических союзников или партнеров в любой точке земного шара и обеспечивать их безопасность.

Прозападные и проамериканские политические режимы, а также «некоторые» их союзники должны быть ликвидированы.

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

6. С точки зрения сепаратистских движений самоопределение национальностей, народов и этносов возможно только в рамках независимого государства.

Соответственно, заинтересованные государства считают, что они в состоянии обеспечить полноценное развитие этих народов и этносов в рамках автономий.

Доминирующий ислам исключает федеративное устройство и образование автономий в рамках одного государства или проживание в них немусульманского населения.

По видам участников конфликтный «многоугольник» включает в себя внутристрановые (общегражданские, межконфессиональные, межэтнические вооруженные конфликты), транснациональные (сепаратистские войны, террористические нападения) и межгосударственные (интервенции, антиинтервенционистские, повстанческие и контртеррористические вооруженные столкновения) уровни, имеющие жесткую, межуровневую, замкнутую, основанную на эффекте «действие – противодействие» причинно-следственную зависимость эскалационного характера, воспроизводящую конфликтность.

Например, контртеррористическая операция по ликвидации террористических организаций в какой-либо стране как ответная мера на террористическое нападение стимулирует активизацию и консолидацию повстанческого движения, террористические нападения на территориях стран-участниц подобной операции, а также жесткие террористические методы воздействия на «коллаборационистов», то есть гражданскую войну. На контролируемых радикальными повстанческими движениями территориях размещаются базы и лагеря террористических группировок локальной и транснациональной направленности.

Вооруженная интервенция воспроизводит антиинтервенционистские повстанческие движения, общегражданские, межконфессиональные, межэтнические противостояния, акты «возмездия» в виде террористических нападений в пределах и за пределами страны, а также сепаратистские движения. Общая дестабилизация вынуждает «интервента» расширять масштабы операции и повышать ее интенсивность.

С точки зрения ресурсов противоборства США и их союзники имеют значительное военно-техническое и материальное превосходство, однако «ресурс» политической консолидации их основных и региональных союзников практически исчерпан, а материальные затраты и людские потери приближаются к предельно допустимому уровню. Участие развитых государств или их коалиций в таких затяжных вооруженных конфликтах ограничивается фактором времени.

Противостоящая «сторона» имеет значительный потенциал противодействия за счет расширения пространственной сферы дестабилизации, вовлечения большего числа участников, в том числе «невидимых», и использования разнообразного спектра способов

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

силового воздействия, а фактор времени не имеет для нее существенного значения.

В то же время, «противной стороне» свойственны аморфность, отсутствие единого вектора противодействия, наличие внутренних противоречий, локальность интересов и разнопорядковый состав преимущественно транснациональной террористическо-повстанческой «оппозиции», включающей и полевых командиров, которую пока вряд ли можно считать окончательно сформировавшейся и реально управляемой.

Для США и их союзников характерны конкретность и, в тоже время, содержательная масштабность и «глобальность» мотиваций с определенными «цивилизационными», в частности правовыми и гуманитарными, ограничениями. Противоборствующая сторона не ограничена в выборе мотивации какими-либо политическими, экономическими, правовыми, культурными или гуманитарными соображениями. Этому соответствует иррациональный и неприемлемый для международного сообщества характер декларируемых целей и фактических действий, а также заявляемых ультимативных политических, экономических и иных требований. Содержательный спектр мотиваций и ультимативных требований в данном случае практически неограничен и, соответственно, включает сегмент негативного деструктивного мышления.

Степень «угрожаемости», ассоциируемая с иррациональным поведением или заявлениями возможного противника, в условиях уже ведущегося вооруженного противостояния с другим «сложным» субъектом в сопредельном регионе, может быть существенным аргументом и рефлексивной, ответной мотивацией в пользу расширения его политико-географических, пространственных измерений и интенсивности.

По существу, ни одна из сторон такого противостояния пока не имеет значимых преимуществ, что, скорее всего, приведет к длительному, выходящему за пределы среднесрочного периода, силовому «асимметричному» противоборству с пиковыми значениями интенсивности и расширением пространственных характеристик вооруженного противоборства в пределах среднесрочного периода.

Указанные факторы полярности основополагающих мотивационных установок и интересов, а также нарастания непримиримости как мотивации на политико-содержательном уровне сводят к минимуму возможности приостановления фазы вооруженной конфронтации, снижения общего потенциала конфликтности и перехода к содержательному и результативному многостороннему или «двухстороннему» политическому диалогу.

«Мультипликация» негосударственных участников в рамках конкретного конфликта (повстанческих движений, полевых командиров, террористических организаций), претендующих на «автономность», создает многочисленные препятствия не только к применению силовых контрмер, но и началу реального переговор-

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

ного процесса по урегулированию. Переговоры по соответствующим проблемным направлениям конфликтного «многоугольника» сами по себе не влияют на динамику нарастания конфликтности, поскольку отсутствует значимое сопряжение позиций по конфликтообразующим мотивациям. В свою очередь, заключенные на такой «опосредствованной» переговорной основе договоры и соглашения не гарантируют необратимости урегулирования.

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Научно-координационный совет по международным исследованиям (НКСМИ) МГИМО (У) МИД России создан в мае 2004 года в целях развития и углубления аналитической работы Университета в области международных отношений, придания ей системного и прогностического характера, проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий. В сферу научных интересов НКСМИ входит изучение концептуальных аспектов внешней политики России, выявление и исследование тенденций эволюции и развития международных процессов, анализ крупных и актуальных международных проблем.

НКСМИ является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур МГИМО (У) – *Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений* (1976–1990 гг.) и *Центра международных исследований* (1990–2004 гг.).

В настоящее время в состав НКСМИ входит десять научных центров:

- Центр глобальных проблем,
- Центр партнерства цивилизаций,
- Центр постсоветских исследований,
- Центр евро-атлантической безопасности,
- Центр Кавказских исследований,
- Центр исследований Восточной Азии и ШОС,
- Центр ближневосточных исследований,
- Центр региональных политических исследований,
- Центр исследований проблем войны и мира,
- Центр североевропейских и балтийских исследований.

Председатель НКСМИ – А.Ю.Мельвиль, проректор по научной работе МГИМО (У), доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

Директор НКСМИ – А.А.Орлов, профессор кафедры ЮНЕСКО по правам человека и демократии МГИМО (У), Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

Сайт НКСМИ в интернете: www.mgimo.ru/ktsmi

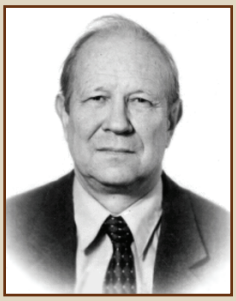
«Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России» издаются с ноября 2004 г. Выходят с периодичностью не реже одного раза в месяц тиражом от 500 до 900 экземпляров. Рассылаются в Администрацию Президента Российской Федерации, органы исполнительной и законодательной власти, российские представительства за рубежом, профильные научно-исследовательские центры системы РАН, ведущие политологические центры, а также крупные библиотеки. Материалы для данного издания готовятся входящими в состав НКСМИ МГИМО (У) научными центрами, а также известными российскими дипломатами, учеными, общественными деятелями.

Сайт «Аналитических записок» в интернете: www.mgimo.ru/az

Связь с редакцией по адресу: ktsmi@mgimo.ru

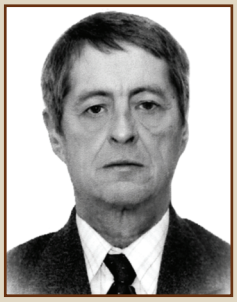
Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.5 (см.: http://creativecommons.org/licenses/by-nc/2.5)

SOME RIGHTS RESERVED

Виктор Михайлович СЕРГЕЕВ – директор Центра Глобальных проблем, доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО (У), действительный член Российской академии естественных наук. В 1993–1998 гг. – почетный профессор-исследователь Лидского университета (Великобритания), в 2002–2004 гг. – иностранный сотрудник Института Санта Фе (США).

Основные научные интересы – анализ переходных процессов в обществе и моделирование процессов принятия решений.

Игорь Иванович КУЗНЕЦОВ – старший научный сотрудник Центра глобальных проблем, кандидат юридических наук. Основные научные интересы – проблемы международной и европейской безопасности; внешние аспекты национальной безопасности России; ядерное разоружение и нераспространение ОМУ; глобальные экономические процессы; международные финансовые рынки и западноевропейская интеграция.

Центр глобальных проблем (ЦГП) в составе Научно-координационного совета по международным исследованиям создан в МГИМО (У) в мае 2004 года.

ЦГП видит свою задачу в изучении крупных проблем современной мировой политики, требующих сочетания специальных методов исследования (экономических, историко-культурных, когнитивных), а также знаний в области естественных наук и современной технологии.

К числу таких проблем, в первую очередь, относятся:

1. Воздействие мирового рынка на экономическую и политическую структуру отдельных государств.

2. Изменения политических режимов государств, осуществляемые под давлением предпочтений, существующих в «мировом сообществе» («волны демократии»).

3. Конфликты, вызываемые цивилизационными и культурными различиями.

4. Глобальное воздействие на мировую политику ресурсных ограничений (энергетические и экологические проблемы).

5. Глобальные эффекты распространения новых технологий.

Подробнее о ЦГП см. на интернет-сайте Научно-координационного совета по международным исследованиям: www.mgimo.ru/ktsmi